

ДЕНИС ПИСАРЕВСКИЙ: ИСПОЛНЕНИЕ МУЗЫКИ И ЕЕ СОЧИНЕНИЕ – ПРОСТО РАЗНЫЕ ГРАНИ МОЕГО ТВОРЧЕСТВА

В 2020 году Фонд развития творческих инициатив в коллаборации с Российским музыкальным союзом и журналом «Музыкальная жизнь» учредил премии «Органист года». В номинации «Дебют сезона» лауреатом стал Денис Писаревский – музыкант, стремящийся познать разные грани этой профессии.

Он окончил Московскую консерваторию с двумя дипломами – как органист (в классе профессора Л.Б. Шишхановой) и композитор (у профессора Т.А. Чудовой), прошел факультатив по дирижированию. В 2017 году поступил в магистратуру Высшей школы музыки и театра в Штутгарте в класс известного органиста Людгера Ломанна. Там же факультативно занимался в классах клавесина, органной импровизации и композиции. А в настоящее время продолжает там же совершенствоваться по органу в аспирантуре.

В 2013 году совместно с дирижером Сергеем Акимовым организовал ансамбль современной академической музыки *Mixtum Compositum*. Ансамбль неоднократно выступал на разных площадках Москвы, участвовал в фестивалях «Творческая молодежь Московской консерватории», в детских абонементных концертах, в Первом молодежном фестивале современной музыки «Созвучие» (Воронеж, 2014). Участвовал в Первом Всероссийском фестивале симфонической музыки молодых композиторов России «Композитор 2.0» (ноябрь 2016) и тогда же был принят в Союз композиторов России. Лауреат конкурса композиторов Avanti.

17 октября – в Кафедральном соборе Калининграда, а 20 октября – в Большом зале Московской консерватории пройдут награждения лауреатов и призеров премии «Органист года». Денис Писаревский (ДП) рассказал Евгении Кривицкой (ЕК) о том, каким ему видится «идеальный орган», на каких инструментах он мечтает сыграть, а также поделился своими творческими планами.

ЕК Денис, вы успешно развиваетесь в двух направлениях – как композитор и исполнитель. Для вас орган стал творческой лабораторией?

ДП Для меня исполнительство сродни ораторскому искусству – оттого, как расставлены акценты, как музыкант выстраивает музыкальную фразу, зависит восприятие произведения и сможет ли он, подобно оратору, сделать слушателей своими сторонниками. Поскольку органиста зачастую вообще не видно публике, особенно, если он играет в соборе, то единственный способ донести свои мысли – через звуки. Органист, конечно, может для себя делать какие-то дополнительные движения, помогающие игре, но они больше никому видны не будут.

Понятно, почему Святослав Рихтер пришел к идее играть в темноте – он хотел добиться полной концентрации на самой музыке. Думаю, в моем случае, исполнение – способ наиболее глубинного познания музыки, который отличается от изучения партитур и прослушивания произведений на концерте, в записях или даже внутренним слухом. Я также с удовольствием играю на рояле и клавесине, когда есть время и возможность выступать в качестве исполнителя на этих инструментах. Но орган даже нельзя назвать инструментом – это, фактически, очень большая группа инструментов, с разными параметрами и возможностями, богатство и разнообразие которых, думаю, не предоставляет ни одно другое «музыкальное семейство», поскольку даже отдельно взятый орган – уже целый ансамбль регистров и труб.

Подытожив, я бы сказал, что игра на органе для меня является лабораторией и с точки зрения исследования различных тембров и красок, и с точки зрения акта искусства, максимально сконцентрированного на самой его сути. Но я не могу сказать, что исполнение на органе как-то влияет на мое композиторское мышление, которое начало формироваться еще до того, как я вообще стал осваивать орган, и центральное место среди моих работ занимают композиции для ансамбля и оркестра различных составов. Исполнение музыки и ее сочинение – просто разные грани моего творчества. Скорее, влияние происходит в обратном направлении, хотя, знание разновидностей органов, всевозможных регистров, безусловно, очень важно при создании органных партитур и также может быть перенесено в область оркестровки. Вот где обе грани действительно могут объединяться – это в органной импровизации.

ЕК Вы пишете вполне современную по языку музыку и играете Баха – как совмещаются столь разные эстетики?

ДП На определенном этапе сказалось мое увлечение инструментальной и вокальной музыкой Ренессанса – в моем сочинении «Сумасбродный пастух» (по мотивам романа Шарля Сореля) для органа, гобоя и двух ассистентов, играющих на рогах и колокольчиках, я использовал цитаты из полифонических песен «Крики Парижа» и «Пение птиц» Клемана Жанкена. Они звучат в органной партии в то время, когда гобой играет совершенно свою мелодию от лица главного героя – собственно, помешавшегося на пасторальных романах студента, вообразившего себя пастухом. В другом сочинении для органа соло «Vuxtiana» я использовал цитаты из токкат и прелюдий Букстехуде (иногда кардинально трансформируя их), с которым я веду музыкальный диалог через столетия и призму современного восприятия.

Это опусы 2011 и 2013 годов, еще периода моего обучения в Московской консерватории. С тех пор я пока ни разу не обращался к подобным техникам в моих органных сочинениях. Но думаю, что переосмысление старинной музыки, условно говоря, до Баха, еще может принести совершенно новые плоды, не имеющие ничего общего с таким направлением, как необарокко – об этом будет интереснее говорить уже на конкретных примерах, которые, надеюсь, появятся. С эстетической точки зрения мои предпочтения претерпевали какие-то изменения, как в композиторском творчестве, так и в выборе органного репертуара, но их круг в обеих моих ипостасях достаточно широк.

ЕК Каков для вас образ «идеального» органа как инструмента?

ДП Для меня идеальный орган – это максимально подходящий для исполнения конкретного сочинения. Орган Аристида Кавайе-Колля – для произведений французских композиторов, таких, как Вьерн, Видор, Мессиян – как раз их музыка прозвучит в концерте 20 октября в Большом зале консерватории. Для произведений Баха – органы, на которых сам композитор играл и с расчетом на которые писал, такие, как, к примеру, органы Готфрида Зильбермана. Как быть в тех случаях, когда орган из совершенно другой эпохи? Здесь есть два пути – либо исходить из возможностей органа, либо попробовать за счет выбора регистров приблизить его звучание к тем инструментам, для которых произведение предназначено. Думаю, что я пойду в этом направлении, когда буду исполнять Токкату, Адажио и Фугу до-мажор Баха на органе А. Кавайе-Колля в Большом зале консерватории. Привнесет ли инструмент свои краски? Разумеется. Но при этом я предпочел бы сохранить все те темпы и артикуляцию, которые я использовал бы на барочных органах. В результате получится, если угодно, не перевод баховского языка в романтический стиль Франка и Вьерна, но бережная пересадка немецких елей, сосен и буков на французскую почву. Уверен, они хорошо приживутся!

ЕК Есть ли инструмент, сыграть на котором – ваша мечта?

ДП Таких инструментов несколько, среди них первые места займут, пожалуй, органы Кавайе-Колля в церквах Сен-Сюльпис и Нотр-Дам в Париже и орган фирмы «Зауэр» в Томаскирхе (Лейпциг). Все эти инструменты я слышал живьем, но пока еще, к сожалению, на них не играл, в отличие от исторических органов Зильбермана в Саксонии и Тюрингии или, наоборот, органов на юге Германии работы Габлера и Хольцхея. Я меньше играл на барочных органах северо-немецких мастеров, которые хотел бы получше исследовать, а также больше поиграть на итальянских органах эпохи Ренессанса. Из органов России мне очень интересен орган в концертном зале «Зарядье», который получил высокие оценки профессионалов.

ЕК Вы стали победителем в номинации «Дебют сезона». Год был для вас удачным – участие в фестивалях, премьера фильма об органе БЗК с вашей музыкой. Что вы ждете от нового сезона?

ДП Главным достижением прошлого года для меня все-таки было Первое место на международном органном конкурсе в Шанхае. Мне очень повезло, что конкурс проходил в ноябре, и я смог посетить Китай, что было бы совершенно невозможно себе представить через пару месяцев с началом эпидемии. Еще один крупный международный органный конкурс, на который я уже был отобран по анонимным аудиозаписям, должен был пройти в сентябре 2020 года, но его перенесли на сентябрь 2021 года. Надеюсь, что он в итоге состоится, а кроме него я успею подготовить программу к другому конкурсу и также успешно сыграть мой заключительный экзамен по органу в аспирантуре Высшей школы музыки и театра в Штутгарте, который завершит мое четырехлетнее обучение в классе профессора Людгера Ломанна. Также на данный момент уже проделана большая часть работы над новым фильмом Сергея Уварова о современных композиторах, к которому я сочинил часть музыки и исполнил партию органа. Думаю, результат будет очень интересным!

ЕК Для вас важно признание? Как вы отнеслись к новости о премии «Органист года»?

ДП Я думаю, для любой творческой личности важно признание, и я не являюсь исключением. Премия «Органист года» – и есть признание актуальности профессии в нашей стране.

Я благодарю художественного руководителя Ярославской государственной филармонии Григория Александровича Быкова за выдвижение моей кандидатуры на соискание премии; народную артистку России, профессора Московской консерватории Любовь Башировну Шишханову генерального директора Центра современного органного искусства, главного редактора журнала «Органье салоны» Марину Владиславовну Воинову, а также председателя отделения музыковедения и музыкальной критики Молодежного отделения Союза композиторов России, члена Союза композиторов и Российского музыкального союза, ответственного редактора отдела культуры газеты «Известия» Сергея Алексеевича Уварова, написавших для моего участия рекомендательные письма.